

при дворе которого он находился в середине 30-х годов, был магистром, начальником прошений и императорским траматиком; он характеризуется как поэт и философ, в чьем творчестве отразилось мировоззрение гиббелинов. С его именем связывается и грекоязычная переписка Фридриха II, редактором и составителем посланий которого и был Иоанн. Его поэтическим образом присутствия контаминация античной и христианской мифологий. Мотивы Гомера и Еврипида переплетаются с парафразами Септуагинты и агиографических текстов. Для понимания пietetа поэта к античным мотивам наиболее характерна этопия на тему, что могла сказать Гекуба при падении Трои: ткань всего произведения составляют аллюзии на тексты различных трагедий Еврипида. Издателем отмечены многочисленные «гомеризмы», свойственные стилю итало-византийского поэта; встречается и ряд поэтических новообразований в лексике (*ἀπλοτόξοπυρφόρος, βριταροχειρόπους*) отмеченных, однако, печатью эпитичности. Драматизм, показательный для Иоанна Грасса, выражается в диалогической форме его поэтических творений, когда их содержание представляет собой беседу, спор героев. Отзвуком на политические события его времени являются ямбы по случаю взятия Пармы Фридрихом II в 1247 г.

Сочинения же Николая Гидрунтского (Никола ди Отранто), о котором по лемме одного из стихотворений известно как о сыне «магистра Иоанна» (т. е., по М. Джиганте, Грасса), носят чисто религиозный характер. Его эпиграммы — произведения, обращенные к святым, богородице, памятным местам (Фавор). Свообразием отличается и его поэтика; обилие неологизмов, гапаксов, лексических новообразований, редкостных слов отличает его поэтический стиль.

Если для Нектария характерна автобиографичность, для сочинений Иоанна Грасса — тяготение к античной древ-

ности, а произведения Николая Гидрунтского исчерпываются религиозной тематикой, то муза четвертого из издаваемых поэтов — Георгия из Галлиполи наиболее чутко откликается на политические события современности, на те или иные житейские моменты. Важные политические темы — приезд Иоанна Ватаца в Галлиполи, церковные смуты, взятие Пармы, обращение от имени Рима к Фридриху II — и частные эпизоды, например смерть сына городского доместика, составляют сюжетную основу главных произведений поэта.

Хотя его образование отмечено скорее специально-техническими, нежели общегуманитарными, чертами, его поэзии свойственна как лирическая страсть, так и очевидное художественное мастерство: игра слов, ассонансы и лексические параллелизмы — излюбленные приемы калабрийского поэта —
Ἦ παῦλα, Παῦλε, τῶν κακίστων δογμάτων, ἡ πέτρα, Πέτρσ, τῶν κακίστων πραγμάτων...
 (р. 173, № 9).

Пietetт к словесным раритетам свойствен и этому автору. Вместе с тем ряд образных моделей, топосов позволяет видеть в Георгии продолжателя традиций византийской поэтической классики — Феодора Продрома, Никиты Евгениана и других авторов XII в. С ними калабрийского поэта роднят и лексические совпадения.

Итак, изданный М. Джиганте корпус итало-византийских поэтов из Отранто XIII в. позволяет не только определить живительность античных истоков византийской поэзии, особенно творческих судеб литературы Южной Италии, понять ее в византийском грекоязычном историко-литературном контексте, но и выявить индивидуальные неповторимые черты различных поэтов, пусть связанных общностью места деятельности, условий жизни, окружения, языка творчества и литературных традиций.

М. В. Бибииков

A. Rösger. *Herrschererziehung in der Historia Augusta*. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1978. 164 S.

Книга А. Рэсгера, ученика видного западногерманского антиковеда И. Штрауба, является частично переработанным разделом диссертации «*Untersuchungen zum Herrscherbild der Historia Augusta (Herrscherbegriff, Herrscherterminologie, Herrscherideal)*». Eine deskriptive Analyse», защищенной в 1976 г. на философском факультете Боннского университета. В предисловии к книге автор останавливается на основных положениях работы, предшествующей опубликованной ее части. Кратко они заключаются в следующем. 1. В основе членения биографического материала НА лежит концепция «всеобщего понятия государя» (*eines allgemeinen Herrscherbegriff*); это понятие характеризуется тем, что для автора НА решающим для включения в корпус жизнеописаний какой-либо персоны являлась не формально-юридическая легальность ее вступления на трон, а определенные внешние

реалии при передаче власти (например, принятие императорских инсигний и титула). 2. Исследование содержания чаще всего применяемых в НА апеллятивов *princeps* и *imperator* позволяет не только семасиологически дифференцировать оба термина, но и в основных чертах представить типологию правителей в источнике. 3. В НА различаются три типа принципсов — *imperator optimus, medius* и *malus*; при детальной характеристике апеллятива *princeps bonus* выявляются также квалифицирующие его компоненты, как *civis, senator, nobilis* и *Romanus*. На базе перечисленных положений Рэсгер делает попытку «реконструкции идеальной биографии» НА; выражением такой попытки и является опубликованная монография.

Сразу можно сделать два наблюдения. Во-первых, исследователь принадлежит к многочисленным сторонникам идеи одного автора для корпуса жизнеописаний

(хотя сам он проблему персонификации авторства АН специально не затрагивает). Во-первых, не вызывает сомнения правомерность интереса к структуре и характеру императорского идеала в таком загадочном источнике, как НА, ибо изучение подобного идеала солидно продвинуло бы нас в понимании идейно-политической направленности памятника. Тут же отметим, что, хотя Рэгер хорошо знает работы Р. Сайма, в книге нигде не дается оценки скепсису английского ученого относительно серьезности политического замысла составителя НА¹. Между тем изыскания самого Рэгера не только проникнуты стремлением выявить оценки, даваемые автором НА определенным сторонам римской действительности. Рэгер, как мы покажем ниже, говорит о программных установках составителя жизнеописаний, о месте последнего в позднеантичной политической критике. Другое дело, какой характер и уровень подобных изысканий и критики фиксирует книга.

Исследование начинается с анализа смысла в НА термина *litteratus*, входящего в группу характеристик, приложенных в сенатских аккламациях взошедшему на императорский трон Тациту. Среди «квалификационных признаков» типа *senex* и *gravis* определение Тацита как *princeps litteratus* (при учете показательности его *vita*, как и биографии Александра Севера, для познания императорского идеала НА) является наиболее значимым для проводимого Рэгером изыскания. Подобное определение тем более заслуживает внимания, что риторический вопрос «*esquis melius quam litteratus imperat?*» (Тас., 4, 4), содержащийся в упомянутых аккламациях, имел, по мнению исследователя, программное содержание. Анализ применения в НА термина *litteratus* приводит Рэгера к заключению, что наряду с подчеркиванием способностей к литературной деятельности, познаний в науке и литературе эта дефиниция в конечном счете применялась к лицу, которое с успехом прошло римское школьное воспитание на всех его ступенях (особенно «высшую школу») и в этом смысле считалось образованным (с. 11—14, 19). Примечательно противопоставление в биографии Тацита (6, 5—6) образу *princeps senex et litteratus* в качестве негатива несовершеннолетнего, еще не закончившего элементарную школу *princeps puer*, способного осуществить *subscriptio* только с помощью *magister litteratus*. Так, по мнению Рэгера, в НА выявляется внутренняя связь между школьным образованием и повседневными задачами правителя, обязанного лично вести работу с прошениями, продукцией императорской канцелярии, составлять письма, речи и т. д. Иными словами, автор НА уже из практических потребностей своего времени требовал для *optimus princeps* солидного образования.

С другой стороны, Рэгер выявляет

в источнике порицания «бесцельных» (*zweckfrei*) занятий императоров науками и литературой. В этом отношении наиболее репрезентативными оказываются данные жизнеописаний Галлиена и Нумериана. Оценка литературных склонностей императора (Gall., 11, 3—9) базируется на двух моментах: во-первых, практические потребности государства ставят границы образовательным интересам правителя, иногда опасно отвлекающим принцепса от его прямых обязанностей; во-вторых, бесцельные занятия определяются как типично греческое (т. е. неримское) качество и как таковые должны быть поставлены под вопрос. Отсюда понятна критика научных, литературных и музыкальных интересов такого в общем положительно характеризуемого в НА императора, как Адриан (Hadg., 14, 8—9; ср.: 16, 2; 25, 9—10). Подобного рода оценки «чрезмерных» занятий искусствами и науками встречаются не только в НА, но и у других римских авторов, например в тацитовском жизнеописании Агриколы (4, 3).

В этом смысле интересен экскурс Рэгера в характер взаимоотношений греческого образования «в его развитой эллинистической форме» и римской системы воспитания молодого поколения (с. 30—38). Подчеркнуто — здесь исследователь в целом притыкает к Х.-И. Марроу, — что греческая система, с одной стороны, на практике превосходила староримское воспитание, но с другой — в теории имела совершенно иную цель — полное «раскрытие автономного индивидуума со всеми его возможностями». Римляне же стремились полностью включить личность *in die Gemeinschaft*, воспитать в ней преданность государству. Поэтому со II в. до н. э. Рим, идя на компромисс между двумя системами, старался взять у греков в основном то, что служило реализации практических жизненных и политических задач. С этого периода берет свое начало и критика «бесцельных» занятий. Наиболее же убедительным отражением компромисса между староримской и эллинистической образовательными системами, по мнению Рэгера, являются взгляды Квинтилиана в его «*Institutio oratoria*», где целью теории воспитания определен *perfectus orator*, способный применить на форуме свои познания, например в музыке и геометрии, почерпнутые в рамках греческой *ἐπιχρηστικὴ παιδεία*. Подобный компромисс отражен и в «Диалогах» Тацита. Автор НА, опираясь, таким образом, на солидную традицию и критику чрезмерное усердие в литературных, философских и научных занятиях Адриана, Марка Аврелия, Септимия Севера и Галлиена, в то же время, считает Рэгер, выражал традиционное-римское понимание образования (с. 39—40).

Любопытно наблюдение Рэгера над характером материала НА, касающегося собственно системы римской школы и конкретного императорского образова-

¹ Ср.: *Same R. Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford, 1968, p. 212—214.

ния. Оказывается, детальные пассажи относительно школьного воспитания сохранились исключительно в *vitae* тех правителей, о которых уже в юном возрасте — в качестве приемных или родных императорских сыновей — шла речь как о наследниках престола. В подобные реалии биографий Марка Аврелия, Вера, Коммода, Александра Севера и Максимиана Младшего включены и имена ряда их учителей-воспитателей. Наоборот, в жизнеописании Адриана, человека многосторонне образованного, которому трон оказался предназначен уже в зрелом возрасте, аналогичных данных нет. Отсюда предположение, что автор НА особое значение придавал воспитанию «кронпринцев». Это подтверждается Рэгером путем детального исследования отдельных, касающихся данного вопроса сообщений источника. Во-первых, выясняется, что изложенные в биографиях по теме «школьное воспитание» факты по большей части фиктивны. Фикции прежде всего относятся к именам императорских наставников, среди которых — за исключением учителей грамматики, риторики и философии при Марке Аврелия и Корнелия Фронтоня при Вере — никто не подтвержден другими источниками. Сам по себе такой метод доказательства в конечном счете небезупречен, но он подкрепляется в книге скрупулезно обработанными фактами внутренней противоречивости соответствующих свидетельств в биографиях Александра Севера и Максимиана Младшего. Одно из интереснейших наблюдений такого порядка касается совпадения некоторых имен императорских воспитателей, зафиксированных НА, с именами аналогичных лиц периода Ранней империи. Анализируя такие совпадения, Рэгер предполагает знакомство автора НА с литературной традицией, касающейся учителей грамматики и риторики вообще и наставников наследников престола в частности. Такого рода знание, по Рэгеру, и могло использоваться в НА «через построение фиктивных филиаций» (с. 127) для введения соответствующих («подходящих») имен в *vitae* (например, грамматика Скаврину и оратора Тициана).

Нетрудно заметить, что Рэгер, используя для выявления фиктивных данных методические приемы, употребленные при работе над НА Г. Дессау, И. Штраубом и Р. Саймом, именно через эти фикции часто оценивает взгляды автора жизнеописаний. В частности, высказывается довольно интересное предположение, что последний противопоставлял основательное школьное образование «кандидатов на престол» прошлого современной ему, совершенно иной системе воспитания — системе, обслуживающей вышеупомянутых *principes pueri* (ср.:

Тас., 6, 5—6). Т. е. прямо ставится вопрос об «актуальной исторической ситуации, в которой писал составитель НА» (с. 63). Правомерность вопроса подкрепляется удачным наблюдением над сообщениями Светония, который игнорированием деталей воспитания героев «отразил неактуальность для своего времени проблемы основательного обучения „кронпринцев“» (отсюда, кстати, предположение, что здесь Светоний не мог быть формальным образцом для НА, как не могли служить им источники II—III вв., за исключением литературных портретов Марка Аврелия; это обстоятельство, по мысли Рэгера, и толкало автора НА на реконструкцию хода воспитания того или иного императора с помощью фикций). Злободневность поставленной составителем биографий проблемы, полагает исследователь, заключалась наряду с прочим в необразованности современных источнику *principes pueri*. В интерпретации другого среза проблемы — положительного отношения НА к астрологическим занятиям некоторых императоров (см. особенно: Alex., 27, 5), занятиям, в действительности, как убедительно показано в книге, вряд ли имевшим место (стр. 72—79), Рэгер следует за Штраубом. Последний, как известно, противопоставил соответствующие пассажи биографий «антиастрологическому» законодательству христианских императоров поздней античности², высказав в соответствии с этим предположение о косвенной критике автором НА правительственных мероприятий против астрологии и прочей сакральной практики язычников. В подобной форме, по мнению Штрауба и Рэгера (см.: с. 128), был одновременно закамуфлирован призыв составителя жизнеописаний к христианским императорам быть терпимыми к язычеству.

Насколько весомы для Рэгера такие суждения, сами по себе принципиально важные для познания идейно-политической тенденции НА и их даты, мы постараемся показать ниже. Пока же отметим, что исследователь не углубляя указанного вывода, значительное место в книге уделяет оценкам НА структуры школьного воспитания и образования в империи. Здесь заслуживает внимания приписывание автором жизнеописаний Александру Северу и Максимиану Младшему школьных занятий философией и правом, что — в противоположность примеру с Марком Аврелием — является фикцией. Также фиктивны факты завершения Марком Аврелием и Александром Севером этапов обучения раньше сроков, предусмотренных римской системой образования. Рэгер полагает, что автор НА через конструирование подобных фактов агитировал за совершенствование воспитания будущих принцев

² *Straub J. Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike. Untersuchungen über Zeit und Tendenz der Historia Augusta. — Antiquitas, Reihe 4, 1963, Bd. 1, S. 106 f.; Idem. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Keisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. Darmstadt, 1972, S. 314 f.*

путем расширения спектра практически необходимых учебных предметов и интенсификации обучения на отдельных его ступенях.

Что касается наблюдений над оценками в НА склонностей принципсов к танцам, музыке, пению, живописи и спорту (а этой теме уделена довольно значительная часть книги, с. 82—123), то здесь, пожалуй, заслуживают особого внимания два момента. Во-первых, Рэсгер показывает, что в жизнеописаниях постулируются желательность совершенствования правителей в мусических искусствах, но только в обстановке *vita privata* и никоим образом не на виду у общественности (следует интересный сравнительный экскурс в оценку артистических увлечений Нерона, данную Тацитом и Светонием). Во-вторых, взгляды НА на греческую атлетику совсем иные, нежели негативная позиция Сенеки, Лукана, Марциала, Тацита и Плиния Младшего: сообщения об атлетических упражнениях «добрых» императоров (Марс., 4.9; Алекс., 27, 9—10) лишены критического подтекста. К сожалению, в заключение этого обзора Рэсгер ограничился констатацией «решительного поворота» со времен Марка Аврелия во взглядах римлян на атлетику, лишь подчеркнув, что это явление нуждается в основательном объяснении.

Таким образом, серьезного приближения к выявлению идейно-политического замысла НА книга Рэсгера не обнаруживает. Конечно, исследователь далек от мысли считать *vitae* антихристианским памфлетом 60-х годов IV в., как это делали Н. Бейнз и его сторонники (кстати, на работы Бейнза автор не ссылается). Тем не менее в книге имеется ряд суждений типа уже указанных выше оценок «астрологических» пассажей НА, позволяющих показать отношение Рэсгера к хронологии источника. Так, говоря о критике источником лиц типа *principes ruet* (следуют имена Нерона, Коммода, Элагабала), Рэсгер, в извест-

ной степени следующий за В. Хартке, считает вероятным, что составитель биографий мог наблюдать правление Валентиниана II, Аркадия и Гонория (ср.: с. 18; с. 134, примеч. 14; с. 135, примеч. 21—24). Строгой аргументации на этот счет в монографии нет, да и сам автор оговаривается, что книга не преследует подобной цели. С другой стороны, постоянно относя НА к позднеантичной литературе, что само по себе возражений не вызывает, Рэсгер однажды определяет автора жизнеописаний как одного из «поздних теоретиков принципата» (с. 82). Но, думается, только взглядов НА на характер императорского воспитания для такого принципиального вывода недостаточно. В результате вопрос о том, когда возникла актуальность критики *principes ruet*, порицания ряда элементов современной автору НА системы воспитания будущих правителей и злободневность иных, функционирующих в данном ключе проблем, остается в монографии Рэсгера открытым.

Следует добавить, что с трудами советских историков, касающихся НА (например, статьями А. И. Доватура и Е. М. Штаерман), Рэсгер незнаком (по крайней мере ссылок на них в книге нет). Однако для рассматриваемой исследователем проблемы нам представляется заслуживающим самого пристального внимания именно тезис Е. М. Штаерман о плодотворности метода, «который во главу угла ставит задачу выяснить общую тенденцию SHA, с тем чтобы затем определить, в какой среде и в какое время такая тенденция могла возникнуть»³.

Тем не менее множество глубоких и интересных наблюдений, осуществленных Рэсгером, делают его работу полезной для всех, интересующихся позднеантичной политической и литературной мыслью.

А. С. Козлов

³ Штаерман Е. М. «Scriptores Historiae Augustae» как исторический источник. — ВДИ, 1957, № 1, с. 235.

D. Renner. Die Koptischen Textilien in den Vatikanischen Museen. Wiesbaden, 1982. XI + 154 S.

Ватиканское собрание памятников материальной и художественной культуры издавна пользуется широкой известностью. Неотъемлемой его частью является коллекция позднеантичных, коптских и средневековых восточных и европейских тканей. Часть собрания коптских тканей Христианского музея Ватикана (преподнесенная музею францисканскими миссиями в Египте) известна научной общественности с начала XX в.: они фигурировали на выставке памятников

византийского и итальянского искусства в Гроттаферрате в 1905 г.¹ В каталоге этой выставки А. Муньос в общих словах охарактеризовал экспонировавшиеся образцы и дал воспроизведения некоторых из них². Более 40 лет назад эту часть ватиканской коллекции образцово для того времени издал В. Фольбах³.

Но в Ватикане хранилось еще около сотни образцов коптских тканей, попавших сюда в качестве дара Э. Гимэ. Боль-

¹ Muñoz A. L'arte byzantina all' esposizione di Grottaferrata. — L'Arte, 1905, VIII, p. 162—163.

² Muñoz A. L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata. Roma, 1906, p. 127—129, fig. 88—99.

³ Volbach W. F. I tessuti del Museo Sacro Vaticano. Città del Vaticano, 1942.